

Семья как вызов

Александр Архангельский,
профессор Национального
исследовательского университета
Высшей школы экономики,
обозреватель РИА Новости,
кандидат филологических наук,
автор, ведущий, руководитель
программы «Тем временем»
на канале «Культура»,
автор книг «Тем временем»,
«Гуманитарная политика»,
«Базовые ценности»,
Москва

Дорогие друзья, доклада не будет. Предлагаю живой разговор — о том, что мы все предпочитаем простые решения, а простые решения в истории не работают. О нашей привычке всё упрощать, когда мы думаем о семье, её будущем, её прошлом и настоящем, о том, что на эту тему говорили наши предшественники и наши великие учителя. Мы все с удовольствием вспоминаем, что в Евангелии прославлен идеал незыблемой семьи, и цитируем слова Христа о том, что двое будут одна плоть, и то, что Бог сочетал, то человек не разлучает. Но апостол, который стоит рядом со своим учителем, не знает, что он должен только восхищаться словами, а не задумываться об их смысле. Он ужасается

и говорит: «Лучше человеку тогда вообще не жениться». И в ответ:

— Кто может вместить да вместит.

О чём это говорит? Христос показывает, что семья — это не сладкая картина и не принцип жизненного устройства, но призвание, предназначение, это труд всей человеческой жизни. И каждая эпоха предлагает свои испытания и пути выхода из проблемы.

Тот же XVI век, время создания Домостроя, на Руси был периодом, когда в обществе ещё существовали надёжные связи. Но традиция уже поползла. И молодой царь Иван заботился о том, чтобы зафиксировать бытовавший идеал, так как понимал, что семья и самое главное — порядок в отношениях — это главная скрепа народа. Домострой был написан и почитаем несколько веков как закон. Таков был ответ того времени на вопрос — как сохранить связи в обществе. Мы будем искать свой. Со вниманием изучая опыт своих предшественников.

Сегодня принято говорить, что семья под угрозой. Факты констатирует весь мир. Семья под угрозой в силу того, что мир катастрофическим образом переменялся. На сегодня рынок труда устроен так, что человек непрерывно перемещается по миру. Способствует ли это укреплению семьи? Нет. Вы можете отменить этот рынок? Не можете. Правда, мир может измениться в любую секунду. И окажется, что не так просто перемещаться из одного города в другой. Мы все были свидетелями того, как мир взял да и остановился в прошлом году, когда произошло извержение вулкана в Исландии. И все выучили это страшное название — Эйяфьятлайокудль.

Мировой рынок труда — это проблема для патриотического чувства и этнокультурной принадлежности, но прежде всего — для семьи: два человека разорваны во времени и пространстве. Далеко не всегда один всё бросает и следует за другим.

Идея пенсии, к которой мы все привыкли, тоже бросает вызов семье уже с конца XIX века. Нам трудно представить, что до этого времени никаких пенсий в истории человечества не было. Их придумал Бисмарк, для того чтобы склеить раз-

нородную германскую нацию воедино. Нужно было предложить одну идею для привыкших к разной жизни германских территорий. И в 1870 году он придумал идею социальных пенсий. Это хорошо? Да, потому что у человека могут быть гарантии в старости. Но это обстоятельство незаметно для нас становится фактором изменения отношений между поколениями в семье. Раньше человек строил семью и знал, что его никто не защитит, кроме своих. Он иначе воспитывал детей, и все понимали, что в его старости именно дети, родственники (а не государственная машина) становятся опорой человека. Была плотность семейных отношений. Убирается эта скрепа, и начинает мир пошатываться. Означает ли это, что мы пенсии можем отменить? Нет.

Статистики говорят о том, что мужчин рождается чуть меньше, чем женщин. Но на самом деле проблема острее: число мужчин, представляющих собой социофизиологический интерес, гораздо меньше, чем число таких же женщин. Это медицинский факт. Мужчина, который не пьёт, зарабатывает деньги и при этом любит детей — не такое распространённое явление, как хотелось бы нам всем. За кого же замуж идти, от кого детей рожать? Это тоже большая проблема, от которой не спрячешься.

Весь мир, видя, что мы вступили в эру семейной турбулентности, начинает искать простые ответы на сложные вопросы. Западный ответ на эту проблему: давайте мы будем укреплять семью через ужесточение семейного законодательства, через финансовые, налоговые преференции. Правильный ли это ответ? В какой-то степени — да. Россия, по-моему, единственная из развитых стран, где налогообложение разрознено. И мы платим налоги не домохозяйством, то есть семьёй, а каждый за себя. Для государства нас нет как семьи, что бы нам не говорили про её важность как «ячейки общества». Между тем, во всём мире — налогоплательщиком сделано домохозяйство, то есть семейный союз, что снижает сумму налога.

Помимо скрепляющих, поддерживающих семью законов, принимаются и меры

Семья как вызов

охранительного порядка, например, жёсткие ограничения возможности разойтись. Что такое на Западе развод? Это огромный процесс, безумно дорогой, влекущий за собой для человека серьёзные имущественно-финансовые последствия. Вроде бы это направлено на то, чтобы человек 150 раз подумал, прежде чем разорвать семью.

Но означает ли это, что в других европейских странах ответ на вызовы времени найден? Нет. Всё это ведёт лишь к тому, что молодёжь просто не хочет жениться. И вы видите, что происходит: свободное сожителство, которое ни к чему взаимному людей не обязывает. Трагедии в этом нет, но оно не ведёт к восстановлению семьи в правах.

Наш ответ пока до невозможности примитивен: следует вернуться к практике пропаганды, которая была в советские годы. Но, дорогие мои, зачем при этом переворачивать всё с ног на голову? А семья — это основа жизни, а вовсе не государства, как у нас сейчас можно слышать. Государства приходят и уходят, это всего лишь устройство, которое мы согласились признать приемлемым для нас в какой-то степени, а семья — это то, что вечно, что в разных формах, в разных эпохах воспроизводится, потому что на этом род человеческий стоит.

Да и правда ли, что тоталитарные режимы, из которых мы вышли, так уж оберегали семью? Давайте посмотрим на два непохожих и несопоставимых друг с другом тоталитарных режима в XX веке: нацизм и коммунизм (не ищите в моих словах сопоставления этих явлений). Я просто смотрю, как в разных точках, независимо друг от друга, рождаются одинаковые практики. С чего начинается нацизм? Он разрушает семью. Если вы читаете Розенберга, то замечаете, как он сначала прославляет гомосексуальные отношения как свободную мужскую любовь, противопоставленную замкнутой бюргерской семейной жизни. Чем заканчивает нацизм? Тем, что гомосексуалистов отправляют в лагерь, а семья провозглашается ячейкой государства. На самом деле нацизм не утверждает семью и не разрушает семью.

Он *подменяет собой* семью. Он разрушает то, что мешает ему встроиться в человеческие отношения. И в одну эпоху это будет прославление гомосексуализма, а в другую — семьи. Но это не семья. Это нацизм вместо семьи.

Посмотрим на коммунистические практики. С чего начинают большевики? Они начинают с теории стакана воды, с комсомольского блуда. Чем заканчивают? Моральным кодексом строителя коммунизма. Семья — ячейка общества и т.д. Но там ведь речь идёт о том, что вместо семьи и человека должно быть государство. И только в той мере, насколько вместо человека государство — это для него приемлемо.

Результатом может оказаться крепкая семья? Да, конечно. Между прочим, при нацизме тоже были хорошие крепкие семьи. Только вот нацизм тут не при чём. Это люди, это культурная традиция, устанавливающая порядок отношений в семье. Это их личный ответ на внешние, неприемлемые вызовы.

Поэтому ни один простой ответ не годится. Мы не восстановим прошлого, давайте не будем тешить себя иллюзиями. Мы можем видеть в традиции какой-то условный идеал, мы справедливо сдуваем пылинки с традиционных и состоявшихся семей. Обласкивать их, прославлять, но мы должны понимать, что это всё равно исключение из правил. Но нам предстоит работать с тем миром, который есть, и это тяжёлая, непростая и небыстрая работа. Да, всё неправильно. Но нам другого правильного мира никто не предложит. Мы должны воспитывать следующее поколение не с мыслями: «Ребята, вы должны во что бы то ни стало жениться, завести детей, потому что государству это нужно». Плюйте на эти взывания к вам, дорогие молодые люди. Не государству это нужно, а каждому из вас лично и конкретно. А государство пускай подстраивается. И детей рожать следует не потому, что государство выдаёт под этот проект деньги. Семья существует для любви. Могут быть дети, может и не быть детей. Если бы семья существовала только для того, чтобы рожать и производить детей — это была

бы ферма по производству следующих поколений. Семья — это союз двух любящих людей, готовых трудиться ради этой любви по устройению своего дома, и внутрь этого дома приходят их дети, друзья, и будущее отвечает на прошлое. Борьба за семью в нашем мире — это не способ приспособить вечное к сиюминутным обстоятельствам, а наоборот, попытаться сиюминутные обстоятельства, в той мере, в какой это возможно, развернуть лицом к вечному.
